

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ТАНКИСТА ПИТЕРА УИЛЛЕТА

1-Я ЧАСТЬ - СРАЖЕНИЕ НА ЛИНИИ ГАЗАЛА, 1-Е СРАЖЕНИЕ ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ И БОЙ У ГРЯДЫ АЛАМ ХАЛФА – ВЕСНА-ЛЕТО 1942 ГОДА

Вниманию читателя представлены фрагменты воспоминаний британского танкиста Питера Уиллета (Peter Willet, 1919-2015, на фото слева), воевавшего в Северной Африке в составе 2-го Полка Гвардейских Драгун/2nd Dragoon Guards, также известного как Гнедые Королевы/Queen's Bays. Ранее он уже встречался читателю на страницах этого сайта в рассказе о [2-м Наступлении Роммеля](#). Фрагмент его воспоминаний посвящен ожесточенным боям на [Линии Газала/Gazala Line](#), в которых британцы потерпели сокрушительное поражение, [1-му сражению под Эль-Аламейном](#) и боям у [гряды Алам Халфа](#), непосредственно предшествовавшим разгрому немцев в октябре-ноябре 1942 года...

Несмотря на гибель Питера Глинна (Peter Glynn), я не сразу стал командиром взвода. Вместо этого меня отправили в Вардиан/Wardian, в расположенные на ближней окраине Александрии мастерские ROAC (Royal Army Ordnance Corps – части британских ВС, занятые ремонтом и техобслуживанием боевой техники – ВК), чтобы забрать несколько обновленных Крусейдеров/Crusader. Частые поломки, связанные с утечкой воды, вызвали обеспокоенность у командования, и на место был прислан инженер Бирмингемского завода для надзора за модификацией боевых машин, что, как все надеялись, поможет устранить проблему. Его звали Хакер (Hucker), в последующие месяцы, когда нам приходилось мучиться с этими машинами, их так и прозвали – *Huckers*.

Я прибыл в мастерские и доложил об этом старшему офицеру, майору с кустистыми усами и добросердечными манерами. «Рад видеть вас, старина, - приветствовал он меня, - но, боюсь, танки еще не полностью готовы для вас. Не могли бы вы прийти снова через три дня, и они будут готовы. Искренне сожалею.» Устроив проживание для механиков-водителей, которых я привез с собой, я отправился в отель *Cecil*, лучший в Александрии, который был меккой для любого офицера, прибывшего из пустыни... Через три дня я вернулся в мастерские. «Рад видеть вас, старина, - сказал майор, - но, боюсь, мы еще не готовы. Лучше будет, если вы придете через четыре дня.» Это повторилось потом еще раз, пока танки не были выданы нам.

Обратное путешествие через пустыню в пункт, расположенный в 15 милях южнее порта Тобрук, прошло без приключений. Все четыре Крусейдера прошли 300 миль без поломок просто каким-то чудом или, вероятнее всего, благодаря экспертным инженерным навыкам мистера Хакера. Он сопровождал нас на случай, если понадобится мелкий ремонт: правда, бедный инженер был плохо экипирован для путешествия через пустыню. Он уже был сам на себя не похож, почти не мог говорить, но, надо отдать ему должное, ни разу не пожаловался. Я так и не узнал его имени, не помню, как он выглядел, но он оставил хорошую память о себе: танки Крусейдер по прозвищу Хакеры.

Потом я неделями был занят тем, что подвозил конвой из грузовиков в расположение танков на расстояние в 20 миль. Видимость была, по большей части, хорошей, и находить

дорогу на местности даже там, где не было никаких ориентиров, было просто. Однако в марте начался сезон хамсина – жарких южных ветров, дующих из сердца Сахары и раскаляющих абсолютно все, находящееся и под солнцем, и в тени, так, что ни к чему нельзя было прикоснуться. Видимость ухудшилась, временами до нулевой, из-за пылевой мглы. Однажды мы попали в песчаную бурю. После полудня огромное черное облако появилось на горизонте и медленно приблизилось к нам, увеличиваясь в размерах и постепенно закрыв все небо. На несколько минут стало обманчиво спокойно, безветренно и тихо. Затем облако окутало нас, завыл ветер и стал молотить по нам жалящими песчинками, которые проникали повсюду, где была обнажена кожа, и которые забивали глаза и уши. Переговариваться и передвигаться стало невозможным. Все, что можно было сделать, – это завернуться в одеяло, залечь и дожидаться, пока не кончится этот шторм. Ураган стих через какое-то время, которое показалось бесконечностью, но, на самом деле, он продолжался не более двадцати минут. Когда он прошел, установилась зловещая тишина, а видимость стала ослепительно великолепной. Повсюду были кучи песка: у колес и радиаторов грузовиков, там, где были развалы камней, над палатками, поваленными ветром. Понадобился целый день, чтобы привести машины в рабочее состояние, и намного больше времени, чтобы отмыться, поскольку дневной рацион воды был равен половине галлона (~1.9 л) на человека на все и про все. Иногда к этому рациону добавлялось небольшое количество воды, которую удавалось раздобыть в Тобруке. Там воды было в избытке – она сочилась из скалы, где находились родники, но не была благословением божиим: она была настолько солоноватой, что добавленное в заваренный в ней чай сгущенное молоко моментальной сворачивалось, а после добавления в виски, этой драгоценной для нас влаги, вкус напитка становился отвратительным. В то время местность внутри [Тобрукского периметра](#) представляла собой пустыню безо всякой растительности, хотя там был один ухоженный участок с оливковыми деревьями. Наш лагерь был в 15 милях вглубь суши, и каждую ночь мы наблюдали за зреющими фейерверками, когда волна за волной приходили бомбардировщики Оси, чтобы отбомбиться по порту и британским судам и кораблям, а трассы зенитного огня прочесывали небо под глухой грохот и треск разрывов...

Одним, казалось, мирным утром пятого из нас сидели и завтракали вокруг раскладного стола, стоявшего рядом с полевой кухней и помещенного в специальный окоп: Годболд (Godbold) по кличке *Сладкий/Fruity*, принявший на себя командование *Штабным Эскадроном, падре* Морсон (Morson), интендант Хэрри Спенсер (Harry Spenser), *Крошка* Блэйр (*Tiny Blair*) – капитан из RAOC, прикомандированный к нашему полку, и я. Тут мы услышали гул мотора самолета, делающего круги над нами. «Давайте посматривать на этого паренька,» – сказал Блэйр, и через мгновение до нас донесся рев нырнувшей в нашем направлении *Штуки*. Мы тоже нырнули в окоп, вырытый для грузовика. Бомба упала ярдах в 300 от нас, рядом с местом скопления грузовиков, взорвавшись и подняв столб черного дыма. Между грузовиков немедленно забегали люди, словно муравьи, жилище которых было потревожено. Кого-то подняли и потом положили на песок. Я побежал к ним, чтобы посмотреть, что произошло. Руди Мэлкомсон (Rudi Malcolmson), сержант-интендант, был ранен. Он лежал, уткнувшись лицом вниз, его голова лежала на руке, с него были спущены брюки, и можно было разглядеть его раны. Могло показаться, что кто-то надрезал его бок сразу над ягодицами и рассек кожу наискось через спину. Едва ли была видна какая-либо кровь и казалось, что ему не было больно и что рана не выглядит серьезной, но три дня спустя он умер в госпитале. Руди был очень обаятельный парнем, готовым обнадежить товарища и посочувствовать ему...

В начале мая я был назначен на должность командира 1-го Взвода Эскадрона A, в который входили три танка *Крусейдер*. Мне повезло: мне достался первоклассный экипаж – механик-водитель Нед Лорд (Ned Lord), рассудительный и исключительно надежный парень, сын владельца паба из Ланкашира, наводчик Эдди Пэриш (Eddy Parish), на гражданке – клерк автобусной компании *Hastings and St Leonard*, и радист, капрал Фостер

(Foster), которого его прежний комвзвода называл *одним из лучших*. Эскадроном командовал майор Джон Небуорт (*Alexander Edward John Bulwer-Lytton, Viscount Knebworth, 1910-1942, в тексте – Lord, внук вице-короля Индии в 1876-1880 гг., на фото слева*), недавно вернувшийся в полк после поездки в Штаты, где он читал лекции. Джон был невероятно наивным парнем, для которого были характерными проявления чувств и энтузиазма, типичные для школьника. Когда ему сказали, что в дневном рационе нет хлеба и свежего мяса, к чему мы привыкли в период затишья после боев под Муссом/Msus, и придется есть консервированную говядину и галеты, он воскликнул: «О! Чертовски грустно! (What a beastly swizz!)» К тому времени мы уже пообвыкли в пустыне, могли найти дорогу и чувствовали ее нутром. Для Джона ориентирование в пустыне было тайной за семью печатями, и когда бы комвзвода ни удавалось вывести эскадрон в назначенное место, он выражал свой восторг. Он был человеком, который раздражал тех, кто служил под его началом...

Приближался конец мая, и в воздухе усилилась напряженность. Все знали, что долгий период бездействия подходит к концу и что вопрос был в том, какая из сторон будет готова атаковать первой, хотя всегда казалось, что это будут немцы. К 24 мая наш полк стоял под невысоким уступом в рельефе близ дороги *Trigh Capuzzo*, ведущей от форта *Capuzzo* к египетской границе и, далее, к *Муссу*. В нескольких милях к востоку был *Knightsbridge*, перекресток, у которого закрепилась пехота. В предстоящем сражении на *Линии Газала* он станет ключевым участком...

Утром 27-го мы были на ногах с первыми лучами солнца, готовыми тронуться в путь по первому приказу. В тот момент мы слышали звуки ожесточенного боя к югу от нас и часам к 9-10 уже знали, что весь *Африканский Корпус* (15-я и 21-я танковые дивизии и 90-я Дивизия Легкой Пехоты) окружила Бир-Хакейм на южном окончании *Линии Газала*, застала врасплох и рассеяла 7-ю Танковую Дивизию, после чего начала марш на север вдоль восточного края наших неприкрытых минных полей. Это был решающий момент в боевых действиях в пустыне. Наступление *Африканского Корпуса* в обход южного фланга *Линии Газала* в районе Бир-Хакейма продолжалось в ночь с 26 на 27 мая. За ним следили экипажи наших бронемашин, которые отправляли в штаб 7-й Танковой Дивизии подробные радиосообщения о развитии событий. Это должно было дать возможность 4-й Танковой Бригаде, имевшей по два эскадрона танков *Грант/Grant* в каждом из ее трех полков, занять подготовленные окопы для бронетехники в пункте А, в 5 милях к югу от Бир-Хакейма. Однако события стали развиваться совсем по другому пути. Чарлз Армитедж (Charles Armitage), командир батареи полевой артиллерии 7-й Танковой Дивизии на тот момент, так написал об этом в письме своему отцу: «По какой-то невероятной причине 4-я Танковая Бригада не была проинформирована о перемещениях противника, и, хотя мы были на ногах уже на рассвете, нас притормозили в 06.15, и мы так и остались раскиданными по нашей лагерной стоянке. Оливер Ньютон (Oliver Newton) и его стрелковая рота находились в пункте А, занимаясь доводкой до нужного состояния своих позиций. Оливер выбрался из-под одеяла в 06.00 и, осмотревшись вокруг, пришел в ужас, увидев в 2 000 ярдах к юго-западу от себя двигающуюся в его сторону массу вражеских машин, впереди которой шло большое количество танков. Противник даром времени не терял. В результате этого полторы сотни танков быстро скатились со склона гряды тогда, когда мы только начали понимать, что происходит. Мгновение назад еще никто не знал о том, что сражение началось, а в следующее мгновение мы были в нем по шею.

Танкисты 8-го Гусарского Полка (Hussars) были ближе всего [к противнику], и шансов у них не было. Их застали, когда они были у подножия склона, они не успели укрыться по башню

в окопах, у них просто не было времени, чтобы даже завести моторы. Командир танкового взвода сидел рядом со своим танком и брился... Танкисты дрались, как тигры, но оказались под ударами с трех сторон и надежды на то, чтобы отбиться, у них не было.»

4-я Танковая Бригада была рассеяна, дивизионный штаб смят, а командир дивизии, [генерал-майор Мессерви](#) (Messervy), взят в плен. События утра 27 мая склонили чашу весов на *Линии Газала* в пользу немцев. Несколько часами ранее противоборствующие стороны были равны по силам, и, возможно, недавно прибывшие на фронт *Гранты* давали британцам небольшое преимущество. То, что было смертельно опасным пренебрежением обязанностями в работе штабистов 7-й Танковой Дивизии, дало немцам колоссальное преимущество во внезапности и имело катастрофические последствия для британцев, приведя к долгому отступлению к Эль-Аламейну и поставив под угрозу в целом стратегические позиции британцев на Ближнем Востоке.

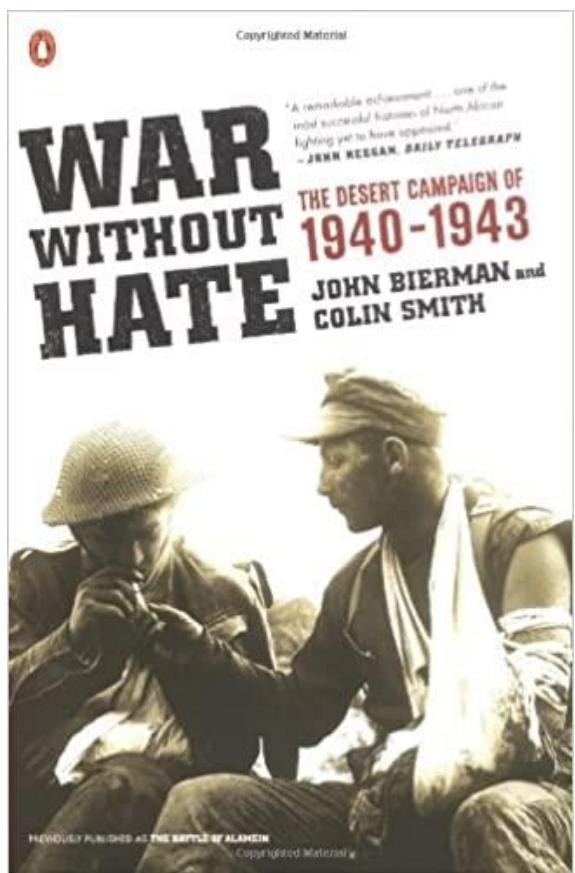
Когда, наконец, мы получили приказ двигаться на юг, чтобы встретить немцев, мы въехали на гряду и с уступа разглядели на нашем западном фланге большую массу вражеской техники. Мы повернули вправо, что встретить их лицом к лицу. Видя перед собой немецкие танки, транспортные средства и артиллерию, я не переставал удивляться тому, как это могло случиться: как полоса местности за *Линией Газала* за предшествующий день превратилась в коридор длиной 30 миль и шириной 10 миль, занятый немцами в течение нескольких часов? А тот факт, что этот коридор так и не был ликвидирован несмотря на плохо скоординированные контратаки британцев, сначала танковые, а позднее пехотные, поддержаные бронетехникой, означал, что решающая победа немцев стала неизбежной. Если бы сообщения экипажей бронемашин 12-го Уланского Полка (Lancers) и южноафриканцев не были проигнорированы, все могло пойти по-другому, потому что 7-я Танковая Дивизия на южном фланге нашей линии не была бы застигнута врасплох и смята...

После паузы, во время которой противник попал под огонь нашей артиллерии, вся бригада атаковала развернутым строем. Мы продвигались вперед преднамеренно медленно, плотной фалангой боевых машин, которые, должно быть, выглядели угрожающе для защищающей свои позиции вражеской пехоты, которая, тем не менее, вела беглый огонь из противотанковых пушек и пулеметов. Немногочисленные немецкие танки, приданные вражеской колонне, исчезли из поля зрения: очевидно, их командиры предпочли не вступать в конфронтацию с противником, столь существенно превосходившим их в численности. В основном, немецкие снаряды пролетали над нашими головами, в то время как мы поливали их из пулеметов. Вскоре мы уже были посреди их позиций, и немецкие солдаты повсеместно стали высакивать из своих наскоро вырытых ячеек с поднятыми руками. Мы смыли батальон 110-го Полка Моторизованной Пехоты, взяв в плен более 250 человек. Это была единственная за всю войну возможность, представившаяся нашей бригаде для концентрированной атаки подобного рода. Победа в первом боестолкновении сражения на *Линии Газала* не обошлась без потерь: в Эскадроне A танк Гордона Энтони (Gordon Anthony) на открытом правом фланге нашего строя был подбит, а Гордон тяжело ранен, выбыв из строя до конца войны. В той атаке я чувствовал себя застрахованным от опасности, ... но вечером, думая о ранении, полученном Гордоном, я осознал, что столь же уязвим, как и все остальные.

На следующее утро, под первыми лучами солнца, мы увидели на невысокой гряде к западу от нас скопление вражеских машин, по-видимому, брошенных противником. Меня послали туда, чтобы прояснить ситуацию. Они и правда были брошены, но там оставался один человек, который оказался, [как позднее выяснилось], лейтенантом Гриммом (Grimm). Он стоял в кузове грузовика, разбираясь с бумагами, лежавшими в портфеле, и не уделил мне ни малейшего внимания. «Давай, иди сюда!» - крикнул я ему, угрожающе помахивая револьвером. Гримм подержал в руках еще какие-то бумаги, потом повернулся и с нахальным видом направился к моему танку. Это был крупный, хмурый малый ростом

более 6 футов, по годам, вероятно, ближе к тридцати, - наиболее высокомерная разновидность нациста. Глядя на меня, он положил руку на бок моего танка и сказал агрессивным, гортанным голосом: «Вам не победить в этой войне.» Мгновение спустя на бронетранспортере подъехал лейтенант Сорболов (Sorbolev), из белых русских, служивший в Стрелковой Бригаде/Rifle Brigade, посадил Гримма в машину и увез в штаб бригады. Уже там, когда появился бригадир, стоя на подножке своей машины, Гримм, стоявший неподалеку, встал по стойке *смирно*, выбросил вперед руку в нацистском приветствии и прокричал *Heil Hitler!* Как только эти слова вылетели из его рта, Сорболов засветил ему кулаком в челюсть, после чего тот свалился как бревно. Так лейтенант Гримм стал военнопленным...

Я высоко оценил свою встречу с Гриммом. Хотя она продолжалась не более 10 минут, она подтвердила мое представление о немцах как о высокомерных нацистах, которых трудно описать словами. Был он исключением, каким-то монстром, не похожим на миллионы немцев, которые слепо и беззаветно пошли за Гитлером и Гиммлером по пути войны и геноцида? Правда заключалась, вероятно, в том, что Гримм был типичным, законченным нацистом.

присутствие которых подвигло бы их на бесчестные поступки. Джон Бирман (John Bierman) и Колин Смит (Colin Smith) не без основания назвали свою книгу о войне в пустыне *Война Без Ненависти/War Without Hatred*, воспользовавшись названием, которое дал Роммель своим мемуарам – *Krieg ohne Hass*. Они поместили на обложку фотографию, на которой раненый немец дает прикурить раненому британцу. Их командующий, Эрвин Роммель, определенно был человеком с рыцарскими принципами, однако эти соображения не оправдывают преступления нацистского режима против человечества или порочность его философии. Сказав это, следует выразить восхищение боевыми качествами солдат Африканского Корпуса, превосходно оснащенных и имевших отличных командиров. Они были просто самыми лучшими...

Сражение продолжалось. В истории полка можно прочесть следующие строки о нашем участии в нем:

Сражение на Линии Газала, продолжавшееся с 27 мая по 14 июня, носило совершенно запутанный характер, в максимальной степени, для танковых полков. Гнедые

постоянно находились в бою, не имея возможности отдохнуть, с первого дня до последнего. Сначала их бросали в одном направлении, потом в другом, они никогда толком не знали, что происходит, и не имели понятия о том, кто же выигрывает сражение, вплоть до финального дня.

Мои личные впечатления были, скорее, более определенными, потому что с первых дней боев я чувствовал, что мы проигрываем медленно, но верно. Падение [Бир-Хакейма](#), бастиона на южном окончании линии, который храбро защищали [Свободные Французы](#), и укрепленного периметра 150-й Бригады в главном секторе [Линии Газала](#), который открывал немцам путь для переброски грузов и подкреплений их группировке, попавшей в так называемый *Котел/Cauldron*, сделали итоговую победу немцев неизбежной в условиях превосходства их бронетехники. Долго планировавшаяся, но постоянно откладывавшаяся контратака нашей пехоты, когда она, наконец, состоялась, стала катастрофическим провалом.

Командир полка Гнедых Том Дрэффен рядом с Черчиллем во время визита британского премьер-министра. 1941 года

Хотя Гнедые перемещались множество раз за девятнадцать дней боев, они, вероятно, потратили неделю на стояние напротив немцев на восточном фланге Котла. Это были спокойные дни, но в поздние послеполуденные часы начинались ожесточенные артобстрелы, которые называли *вечерами ненависти* и которые иногда сопровождались атаками немецких танков. Одним утром, по какой-то непостижимой причине, Джон Небуорт решил покататься на своем танке вперед-назад и влево-вправо, поднимая демаскирующие клубы пыли тогда, когда мы должны были скрывать от противника наши позиции. В конце концов наш командир Том Дрэффен (Tom Draffen) потерял терпение и сказал ему по радио: «Ради Бога, остановите его, не давайте ему мотаться туда-сюда, и пусть он повернется фронтом на запад.

На протяжении всего сражения Том Дрэфден и его адъютант Джон Тэйтэм-Уортер (*John Tatham Warter, на фото слева, он погибнет в Эль-Аламейнском сражении*), забыв о пальбе и пролетающих рябом снарядах, сидели на складных матерчатых стульях, закрепленных в задней части их танка. Они были храбрыми парнями и были словно заговоренными, поскольку ни одного из них ни разу не зацепило во время сражения на Линии Газала. Джон был крепким парнем, то же можно сказать о его близких. Его младший брат, Дигби (Digby), был награжден Крестом за Отличие в Службе/*Distinguished Service Order* за

исключительные хладнокровие и храбрость, проявленные [под Арнемом](#). После войны он стал фермерствовать в Кении.

В ту неделю на процедуру оправки Джона Небуорта легли суровые ограничения. Обычно человек отстегивал лопату, прикрепленную ремнями к задней части танка, отходил на 50-100 ярдов, выкапывал ямку в песке, присаживался, оправлялся в нее, засыпал песком и возвращался назад. Однако Джону этого было недостаточно: он уходил и долго-долго шел, пока не превращался для наблюдающего за ним в крошечную фигурку, тем самым достигая желаемого уровня приватности. Он не мог делать это на краю котла: с одной стороны там были немцы, с трех других – наши части.

По сравнению с *вечерами ненависти* утренние часы были довольно спокойными. Одним утром мы увидели, как к нам со стороны Котла приближается открытый Фольксваген, в котором находилось двое человек. Очевидно, они заблудились и думали, что находятся на контролируемой немцами местности, и подъехали к нам ярдов на 200, после чего поняли, что ошиблись, развернулись и рванули куда подальше на полной скорости. Шестеро наших пулеметов открыли огонь: их пули поднимали фонтанчики пули рядом с несущейся машиной, которая делала зигзаги вправо-влево и не дала нашим толком прицелиться. Так она и исчезла из поля зрения.

Позднее, в ходе сражения, мы оказались на северном фланге Котла, занимая позицию на гряде, с которой просматривалось поле боя. Одним ясным утром в сражении наступило зтишье, все выглядело тихо и мирно. Позади нашей позиции остановилась штабная машина, из которой вышел какой-то человек. Это был генерал-майор [Херберт Ламсден](#) (Herbert Lumsden), командир 1-й Танковой Дивизии. Худощавый, с аккуратными усиками, он носил аккуратную тропическую форму с бросающимися в глаза генеральскими знаками различия и берет с красной полосой. Он прошелся мимо танков, потом прополз последние несколько ярдов, чтобы улучшить обзор из-за верхней бровки склона гряды, и минуту-две разглядывал поле боя через бинокль. Проходя мимо танков на обратном пути, он сказал: «Вы поставили нас в трудное положение этим утром.» На самом деле, мы в то утро не были в деле, но его жизнерадостная манера вести себя и излучаемая им уверенность прибавили нам настроения.

Позднее нам пришлось сделать крюк, чтобы выйти к южному флангу Котла. В один из вечеров поступило сообщение о приближающейся со стороны Бир-Хакейма колонне, и меня отправили туда, что разведать, что к чему. Солнце уже село, и быстро темнело. Примерно через милю я уже видел колонну машин, пересекающих пространство напротив меня по диагонали справа налево. Я остановился, чтобы присмотреться и понять кто это, потому что немцы часто использовали трофейные грузовики, поэтому наличие британских машин не давало уверенности в том, что это свои. Наконец я увидел полугусеничную машину, в которой сидели люди с кепи Африканского Корпуса на головах, и я уже знал, что

это та самая немецкая колонна, о которой поступило сообщение. «Переключись на передачу,» - сказал я Фостеру, намереваясь доложить об увиденном по радио. В этот самый момент немецкая болванка пробила дыру в передней части моей машины и прошла через тело Фостера, моментально убив его и разбив рацию. Это было абсолютно тихое убийство: ни один звук не вылетел из его рта, ни одного звука не издало его тело. Он просто бесшумно сложился вдвое, свалился на дно танка между рацией и затвором двухфунтовой пушки и превратился в неподвижную фигуру, практически невидимую в темноте. Трудно было представить, что жизнь могла покинуть человека более стремительно и ужасно, чем так, как это случилось. И, как и в случаях гибели других *Гнедых* в то время, крови не было. «Трогайся вперед, побыстрее,» - сказал я Неду Лорду, и когда танк пришел в движение, следующий выстрел вырвал кусок из ствола моей пушки. Тело Фостера, вероятно, спасло остальных членов экипажа, потому что благодаря ему танк не загорелся или болванка не стала рикошетить по всему внутреннему пространству машины, убивая нас. Танк продвигался вперед, и тут индийский солдат в голубом тюрбане с винтовкой в руках, выскочил из стрелковой ячейки почти из-под танка и исчез в темноте, - это стало ярким отражением того, в какой ужасной изоляции от товарищем может оказаться пехотинец-одиночка на поле боя... Мы набрали скорость, держа направление прямо на вражескую колонну, и тут я обнаружил, что танковое переговорное устройство вышло из строя и я больше не могу поддерживать связь с механиком-водителем. Столкновение было неизбежным, так как танк катился вперед вне моего контроля, прямо на немецкую полугусеничную машину, тащившую за собой противотанковую пушку. Мы врезались в нее, нас встряхнуло, борт транспортера вогнуло вовнутрь, и танк начал вползать на эту груду железа. Потом он замер, его вышедшая из строя пушка уперлась в небо, и машина зависла на несколько секунд. Я посмотрел вниз на сцену, которая напоминала картину Брейгеля, в которой человеческие фигуры молча застыли, ожидая, что что-то вот-вот произойдет: один человек свернулся в клубок в углу кузова транспортера, тогда как другой, оказавшийся прямо подо мной, одной рукой схватился за борт своей машины, а другую поднял, словно стараясь защититься от удара. Тут передок танка свалился вниз, подминая под себя все из металла и человеческой плоти, что оказалось под ним, прежде чем со скрежетом двинуться вперед, преодолев это препятствие. Вражеского огня не было: должно быть, от пушки, которая убила Фостера, нас заслонили другие машины немецкой колонны. Я выбрался из башни на передок танка и начал колотить по люку механика-водителя. Нед Лорд открыл его, и у меня появилась возможность указывать ему направление движением рук. Мы описали, с разворотом влево, дугу вокруг передней части остановившейся колонны и укатили в направлении позиций своего полка. Я собирался доложить то, что собирался передать по радио, но все это уже было никому не нужным, потому что полк получил приказ двигаться. Времени на то, чтобы похоронить Фостера, у нас не было. Наступила ночь, но над нами повисла полная луна, излучающая достаточно света, чтобы танки в колонне могли поддерживать контакт друг с другом. Через короткий промежуток времени полк остановился. С большим трудом мы извлекли тело Фостера из танка и положили его на землю. Нед вырыл неглубокую могилу, и Джон Небуорт уже начал читать полагающуюся по случаю погребальную молитву, когда донесся крик: «Вперед, едем дальше!» Нам пришлось оставить труп Фостера на корпусе в задней части танка, но тут одна его нога соскользнула через край его кормы и стала как-то дико болтаться, пока кто-то не закинул ее обратно. Нам пришлось проделать эту мрачную процедуру дважды, пока мы, наконец, не сумели похоронить его. Он был прекрасным парнем и хорошим солдатом, обладающим всеми качествами, характерными для кадрового бойца.

Утром 12 июня, на семнадцатый день сражения, полк занимал позиции над бровкой склона вдоль обращенной на юг линии, в нескольких милях к востоку от узла обороны *Knightsbridge*. Напротив нас находилась сильная бронетанковая группа немцев, упорно пробивающаяся в направлении Тобрука, в то время как слева от нас наступали вражеские части, стремившиеся окружить нас. Я получил другой танк, в моем экипаже по-прежнему

были Нед Лорд и Эдди Пэриш, а танкист Мэйдмент (Maidment) занял место погибшего Фостера. Он был хорошо образованным человеком и имел высокий уровень квалификации в делах, связанных с работой радиста. В боях под Муссом он был в экипаже Элекса Баркли (Alex Barclay) и, будучи не самым атлетичным парнем, проявил во время пешего перехода решимость прошагать много миль, чтобы не попасть в плен.

Эскадрон С, находившийся в центре, принял на себя главный удар атакующих *панцеров*.

Он был оснащен танками *Грант*, которые были гораздо мощнее *Стюартов* (прозвище – *Нопу/Миль* – *VK*), которые они заменили незадолго до боев. Они были также надежны в техническом плане, имели более толстую броню и мощную 75-мм пушку, которая могла соперничать с пушками *панцеров* на равных, хотя ее размещение не в башне, а в спонсоне корпуса, имело свои лимитации. 12 июня, тем не менее, они оказались в численном меньшинстве, и британские танковые части полагались на ненадежные *Крусейдеры*. С моей позиции на левом фланге я мог наблюдать за тем, как развиваются события. *Панцеры*, которые выглядели словно маленькие черные жучки на фоне тусклых красок пустыни, подползали все ближе, покрывая одну сотню ярдов за другой. Их пушки выплевывали пламя и вели огонь по *Грантам* Эскадрона С. Эскадрон был вынужден понемногу отступать, в то время как мы, на своем левом фланге, также были

вынуждены откатываться назад, создавая изгиб в общей линии, чтобы противостоять угрозе окружения. К поздним послеполуденным часам мы все были уже оттеснены к северу склона, скавшись в жалкую горстку машин – оставалось шесть *Грантов* и пять *Крусейдеров*. *Гранты* понесли тяжелейшие потери, при этом на машине Роберта Кросби-Досона (Robert Crosbie-Dawson, на фото слева, награжден *Военным Крестом* за этот бой) насчитали 19 отметок от прямых попаданий [вражеских снарядов], но ни один из них не пробил броню.

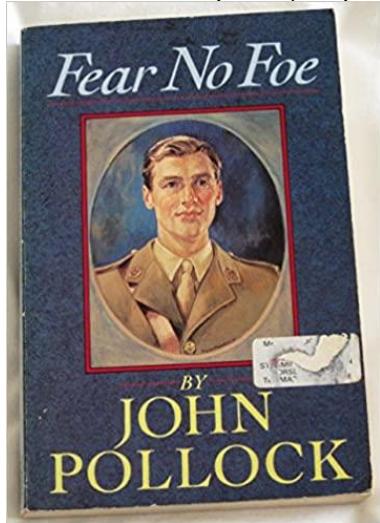
В официальном отчете день 12 июня был отмечен как день, в который решилась судьба сражения: тяжелейшие потери британцев в танках оставили 8-ю Армию в безнадежном положении. Это суждение уводит в сторону от истины. С точки зрения соотношения потерь в танках оно, может быть, и было точным, но победа армий *Осси* – немецкой и итальянской, на самом деле, была предопределена с падением Бир-Хакейма несколькими днями ранее.

Вечером этого дня наступил конец моему участию в сражении на *Линии Газала*, тогда как остатки полка дрались еще два дня до самого конца. Я был отправлен в Эшелон В, вглубь Тобрукского периметра, туда, где 9-я Австралийская Дивизия и, позднее, 70-я Британская Дивизия продержались в осаде семь месяцев в 1941 году. Забитый отступающими войсками и транспортом в конце сражения периметр превратился в легкую цель для немецких пикирующих бомбардировщиков – *Штуки* (*Ju-87*). На второй вечер моего пребывания там мы ели с раскладного стола, установленного рядом с кухонным грузовиком, когда до нас донессявой *Штуки* где-то над головой. Когда *Штука* устремилась в пике со стороны солнца, мы – где-то с полдюжины парней – тоже нырнули в соседний окопчик. Нарастающийвой *Штуки*, от которого кровь стыла в жилах, достиг крещендо и превратился в визг, когда самолет вышел в горизонтальный полет и сбросил свою бомбу, которая упал на безопасном расстоянии в 50 ярдах от нас, окутав нас черным дымом и осыпав комьями земли. Никто не пострадал, кроме одного человека – Майкла Поллока (Michael Pollock), который был глуховат и не расслышал начала пикирования *Штуки*. Он на мгновение опоздал с тем, чтобы вовремя нырнуть в окопчик... Крошечный осколок бомбы попал ему в левый висок, и он потерял сознание. Было очень мало крови, и рана не выглядела слишком опасной, но он умер в госпитале, в Каире, через шесть недель, во время операции по удалению осколка, проникшего в мозг. Слух Майкла постоянно

ухудшался со временем боев под Муссом. В апреле полковник Дрэффен снял его с должности командира взвода в Эскадроне A, назначив помощником адъютанта по техническим вопросам. Это назначение было серьезной ошибкой, так как его нужно было отправить из пустыни на базу, но, понятное дело, он стал бы этому сопротивляться изо всех сил. Этот светловолосый парень был спокойным, добродушным, сознательным человеком, с сильным религиозным стержнем...

Еще одним глубоко религиозным человеком в полку был Майкл Халстед (Michael Halstead), который тоже пострадал в сражения на Линии Газала. Он потерял один глаз, и его нога была сильно покалечена в ходе атаки на 110-й Полк Моторизованной Пехоты противника в первый вечер сражения. Он выжил и потом более тридцати лет прослужил в британских консульствах в разных странах мира. Поллок, Гордон Энтони и Даглас Маккэллан (Douglas MacCallan) учились в одно время в [школе-интернате] Charterhouse (Годалминг, графство Суррей), и Даглас стал единственным из футболистов [клуба Old Carthusians](#), не пострадавшим в этом сражении...

Я принял у Майкла Поллока командование взводом Эскадрона A, когда его перевели на техническую должность. Он был близким другом капрала Фостера, который погиб за несколько дней до того, как Майкл был смертельно ранен. Майкл говорил об этой дружбе в письме своему брату Джону, который написал о нем биографическую книгу *Fear No Foe/Не Бойся Врага* (на фото слева – обложка этой книги с портретом Майкла Поллока).

В другом письме брату он писал: «Когда ты находишься в пустыне, и рядом с тобой только пыль, ветер и горячее солнце, внутреннее понимание того, что о тебе заботится каждую минуту дня и ночи сам Благословенный Господь, делает жизнь и вправду стоящей того, чтобы жить.» Его, по существу, простая и прямая вера отделяла его от тех офицеров, кто был скептически настроен [в этом плане]. Большинство из них были не просто скептиками – они были совершенно нерелигиозными и рассматривали веру как аспект классовой принадлежности, как что-то, характерное для барчуков. Однако люди принимали за своего и уважали любого офицера, который не надувал щеки, который интересовался тем, как идут дела у его солдат. В полевых условиях офицер танкового полка пил со своими людьми чай, вскипяченный на бензиновой горелке, умывался и брился,

используя то же мизерное количество воды, залитое в брезентовое ведро, подвешенное на затвор танковой пушки, которое полагалось каждому из членов экипажа. Что касается Майкла, то его искренность и добрая воля навсегда завоевали теплые чувства у его людей...

В течение нескольких следующих дней мы ехали по Приморскому Шоссе/Via Balba – прибрежной дороге, построенной итальянцами и ведущей через границу в Египет. Где-то там нам зачитали приказ командующего 8-й Армией, в котором говорилось о том, что хоть мы и потерпели поражение на Линии Газала, не все было потеряно. Границу защищала более сильная группировка, чем когда-либо ранее, а Тобрук обороняло больше войск, артиллерии и танков, чем когда-либо в период недавней осады. Поглядывая по сторонам из грузовика, в котором я ехал, я видел солдат 1-й Южноафриканской Дивизии, сидевших за выложенными из камней укрытиями. Скалистый грунт здесь был слишком твердым для того, чтобы рыть в нем траншеи. Эти укрытия выглядели, как что-то временное. Идея была таковой, что нет смысла снова вкладывать усилия в оборону Тобрука, так как его снабжение в период осады было слишком большим бременем. Но эта крепость стала таким важным элементом британского престижа, что против его оставления в последний момент выступил сам Черчилль, и были осуществлены поспешные приготовления к его

удержанию. В период осады Роммель сконцентрировал свои атаки на юго-западном углу периметра, где оборонительные позиции были наиболее сильными. В июне 1942 года он атаковал юго-восточный угол, где оборона была послабее и простреливалась с высот Эль Дуда/EI Duda. Он намеревался атаковать там в ноябре 1941-го, но его опередили [наступление в рамках операции Crusader](#) и прорыв гарнизона из Тобрукского периметра.

На этот раз под атаками пикирующих бомбардировщиков, под артобстрелами и под ударами [панцеров](#) оборона периметра рухнула, практически, безо всякой борьбы, и немецкие танки прорвались к гавани. Все было кончено через несколько часов. Оборону держали, в основном, небстрелянные части 2-й Южноафриканской Дивизии, которой командовал малоопытный генерал Клоппер (Klopper). 33 000 плленных, большое количество различных припасов и горючего попали в руки немцев. Это был сокрушительный удар по делу союзников.

После того, как пал Тобрук, больше не было возможности удерживать неустойчивую линию обороны на границе или еще где-то посреди полосы плоской пустынной местности шириной 150 миль, протягивающейся от границы до крохотного порта Мерса Матрух. Не было шансов и на то, чтобы удержать сам Матрух, хотя он был расположен на высотах и защищен обширными минными полями. Был один просвет в вытянутом с севера на юг минном поле, через который проходило приморское шоссе, и там сформировалась большая транспортная пробка из тысяч бегущих на восток от наступающих [панцеров](#) машин. Каждый терпеливо ждал своей очереди, чтобы проехать дальше, за исключением одного человека – какого-то майора из Стрелковой Бригады, сидевшего в джипе и все время пытавшегося прорваться через очередь. «Я должен присоединиться к группе управления на дальнем конце минного поля в 3 часа после полудня. Бригадир будет очень зол на меня, если я опоздаю,» - говорил он, объясняя свое нетерпение. «Хватит шуметь. Мы все в одной лодке,» - говорили ему. Это был Вик Тёрнер (Victor Turner, 1900-1972), который получит Крест Виктории/Victoria Cross за [Эль-Аламейн](#), где он будет командовать 2-й Стрелковой Бригадой и руководить [отражением танковой атаки противника на позиции Sniper](#).

Немцы без проблем прошли мимо Мерса Матруха и, казалось, с какой-то неотвратимостью, рассеивали и обходили одну за другой части [союзников], стоявшие у них на пути на протяжении всех 120 миль от Матруха до Аламейнской Линии. Не имея танка, я снова оказался в Эшелоне B. Потом меня вызвали к командиру эшелона Фрути Годболду, от которого я получил приказ возглавить конвой из шести цистерн для перевозки горючего и довезти его до расположения полка, машины которого остались почти с пустыми баками в 30 милях к западу. Я проложил маршрут по карте и тронулся в путь в голове конвоя, растянутого в цепочку. Проехав 10 миль, я разглядел какой-то ствол и человеческую голову над поросшем травой холмике прямо по курсу. Друг или враг? Я остановил конвой и тронулся вперед на своем грузовике, чтобы разобраться, что к чему. Когда я подъехал к этому бугру ярдов на 500, над головой у меня просвистела пуля. Вот и ответ, и я быстро развернулся и поехал обратно к своей колонне. Очевидно, передо мной стояла невыполнимая задача, и я потратил полчаса на то, чтобы связаться со штабом по радио. Наконец капитан Артур Ролэнд (Arthur Rowland) из полкового штаба вышел на связь и сообщил мне, к моему изумлению, что их позиции находятся не к западу, а к востоку от меня. Случилось вот что: Том Дрэффен, застрявший с полком далеко за передовой линией немцев, ночью решил проскочить через полосу фронта, рассчитав, что у него должно хватить горючего на 40 миль. Они проехали мимо нескольких лагерей противника и прямо через них, вплотную объезжая спавших на земле солдат, и каким-то чудом выбрались на контролируемую британцами территорию... Добравшись до расположения полка со своим конвоем, я пошел доложить о своем прибытии старшему офицеру, остановив свой грузовик и решив пройти оставшиеся 200 ярдов пешком. На мне были новые пустынные башмаки, которыми я сильно растер свои пятки, и подошел к полковнику, терпя боль и медленно

ступая по мягкому песку, утопая в нем по щиколотку. «Что случилось с твоими колесами (*sproggs* или *sprockets* – *шипованные колеса, в данном случае, видимо, шутливое обозначение для башмаков – ВК?*)?» - спросил Том Дрэффен, и с этого момента до конца войны *Sproggs* стало моей кличкой...

Весь июль прошел в не приносившем результата противостоянии на Эль-Аламейнской Линии, хотя 1-е Сражение под Эль-Аламейном справедливо рассматривается как успех британцев, так как бесшабашное немецкое наступление со стороны Газалы было остановлено самым решительным образом. Аламейнская Линия в западной части Египта была наилучшим образом подготовлена к обороне: она протягивалась на 40 миль, упираясь у моря в Аламейский оборонительный периметр и на юге в Катарскую впадину, покрытую зыбучими песками, непроходимыми для машин. Немецкий агрессивный запал к тому моменту, когда они вышли к Эль-Аламейну, угас. У них осталась лишь горстка боеготовых танков, а их пехота, пытавшаяся пробиться к Аламейскому периметру, оказалась прижатой к земле концентрированным огнем артиллерии. Генерал Окинлек (Claude Auchinleck), командующий 8-й Армией и всеми силами союзников на Ближнем Востоке, продолжал выпускать приказы, суть которых заключалась в следующем: «Молодцы, 8-я Армия. Противник истощен. Вам нужно только держаться, и он будет побежден.»

В то время меня интересовало, откуда он получает столь точную информацию о состоянии дел у противника. Само собой, он пользовался разведанными, которые получал из Блетчли-парка, но, конечно же, мы узнали об этом источнике только десятилетия спустя. Наступательный порыв немцев иссяк еще не полностью. Как-то утром мы находились на оборонительных позициях и увидели медленно бредущую мимо нас по вязкому песку колонну индийских солдат – это были те, кто уцелел после успешной атаки немцев на [расположенный в центре Эль-Аламейнской Линии] оборонительный периметр *Deir el Shein/Deir el Shein* (деир – плоская депрессия, представляющая собой котловину выдувания - ВК). После этого обстрелянная 9-я Австралийская Дивизия была брошена в бой и приступила к атакам на севере линии, в то время как на южном ее окончании атака итальянских дивизий *Littorio* и *Ariete* была остановлена 2-й Новозеландской Дивизией (речь идет о 1-м сражении под Эль-Аламейном – ВК).

Постепенно инициатива перешла от Роммеля к британцам. Окинлек предпринял серию атак, пытаясь добиться прорыва линии фронта. Некоторого прогресса он добился, но наступательный порыв войск иссяк, и занятые участки приходилось оставлять под напором контратакующего противника. Материалов для поддержания наступления просто не хватало. В ходе 1-го сражения под Эль-Аламейном Гнедые ни разу не участвовали в бою как самостоятельная часть. Иногда мы собирали эскадрон, которые присоединялся к эскадронам двух других полков бригады, которыесливались во временный полк. Приходившие на замену из мастерских вышедшим из строя машинам танки прибывали постоянно, но они были отремонтированы на скорую руку и часто снова ломались еще до того, как доходили до передовой. Джон Небуорт был убит на гряде Митеирия/Miteiriya, команда эскадроном, состоявшим из танков Гнедых и 4-го Гусарского Полка, сразу к югу от Аламейнского периметра. Он только-только принял капитуляцию у большой группы немецких пехотинцев, когда его танк вспыхнул после попадания в него снаряда, а сам он был застрелен, когда пытался уйти в безопасное место на своих двоих. За этим происшествием последовал рапорт о том, что Джон был убит солдатами противника, которые сложили оружие и, по сути, являлись военнопленными. Это рапорт проигнорировал тот факт, что его машина была подбита из противотанковой пушки, расчета которой не было среди капитулировавших, и никто не знал, откуда прилетела убившая его пуля. При всех своих недостатках Джон был храбрым и сознательным офицером...

Одним из самых серьезных провалов у британцев было отсутствие связи между танками и пехотой. Значимый пример того, как дорого это может стоить, приводится в рассказе новозеландского бригадира Ховарда Киппенбергера (Howard Kippenberger, 1897-1957), который позднее командовал 2-й Новозеландской Дивизией в Италии, а после войны был главным редактором книги *Official History of New Zealand in the Second World War*. Его бригада осуществила ночную атаку на гряду Рувейсат/Ruweisat – заметный скалистый элемент рельефа, вытянутый на несколько миль сразу к востоку от Эль-Аламейнской Линии. Атаку была успешной, они пробились к западному окончанию гряды, но были отрезаны на рассвете в ходе немецкой контратаки и понесли тяжелые потери. Киппенбергер наблюдал за последними эпизодами сражения со своего командирского танка, когда Ламсден, командир 1-й Танковой Дивизии, подъехал на своей штабной машине и спросил о том, какие новости приходят с поля боя. Киппенбергер взорвался. Он сказал, что ему обещали, что танки присоединятся к его пехоте до того, как наступит рассвет, чтобы помочь отбить контратаку, но их там и в помине не было – это было возмутительно. Ламсден спрыгнул с танка и пошел к своей штабной машине: как полагал Киппенбергер, для того, чтобы отдать приказ о немедленном вступлении в бой танков. Вместо этого Ламсден снял лопату, закрепленную в задней части машины, приподнял ее и с силой обрушил на скорпиона, ползущего по песку. Потом он вернулся лопату на место и укатил...

Случилось, на самом деле, вот что: полк не был предупрежден об атаке новозеландцев и не получил приказа о том, что должен ее поддержать. Позднее, в тот же день, Джекки Хармэн (Jack Harman, 1920-2009, в 1978-1981 годах – заместитель командующего Союзными Силами в Европе - ВК), на тот момент командир Эскадрона A, посетил штаб полка и, вернувшись, сказал мне: «Новозеландцы атаковали прошлой ночью, но ушли слишком далеко и были отрезаны.»

26 июля Гнедые, на тот момент представленные Эскадроном A, и эскадроном 9-го Уланского Полка, приняли участие в операции *Manhood*, также известной как последний бой Окинлека. План Окинлека включал в себя атаку австралийцев, южноафриканцев и британской 69-й Бригады, которая должна была пробить брешь в обороне войск Оси. Через нее должны были пройти танки, чтобы развить успех на открытой местности дальше к западу. План провалился: ресурсов для такой амбициозной операции не было. Даже если бы пехота пробилась через минные поля, чего она не сделала, для развития успеха имелось лишь небольшое число изношенных танков, которого было явно недостаточно. С точки зрения танкистов все было организовано на уровне хаоса. Освещенные полосы местности должны были привести танки к просвету в минном поле, но осветительные приборы часто отсутствовали или просто не работали, так что обнаружение дороги было делом очень медленным. Когда рассвело, мы все еще были в начале пути через минное поле, а после этого большую часть утра оставались на месте в ожидании приказов. С нашей точки зрения, последний бой Окинлека был обречен на неудачу. Действия танкистов вызвали много критических комментариев. Эта критика была связана с непониманием того, в каком дрянном техническом состоянии находились машины, того, что танковые части, большей частью, представляли собой наспех сколоченные эскадроны или полки, а в действиях армии в целом отсутствовала слаженность.

Этот последний бой ознаменовал окончание 1-го сражения под Эль-Аламейном, когда атаки и контратаки сменяли друг друга на протяжении почти всего июля. Фронт стабилизировался, и основные события переместились в Каир, где произошла реорганизация верхнего эшелона командования. Окинлек был снят с должности. Он всегда выглядел, как профессиональный офицер, от него исходил командный дух, он был решительным, прагматичным и имевшим ясный ум человеком. Его главной проблемой было неумение подбирать себе подчиненных. Назначение [Нила Ритчи](#) (Neil Ritchie), который никогда ранее не руководил войсками в боевых условиях, на пост командующего

8-й Армией в критический момент [операции Crusader](#) в ноябре 1941 года, было ошибкой. Это назначение было, скорее, преждевременным, чем фундаментально неверным. Позднее он вернул себе доброе имя, командуя корпусом в ходе боевых действий в северной Европе...

Я провел весь август с Эскадроном A, охраняя минные поля на южном окончании Аламейнской Линии. Слева от нас возвышалась лысая и белая гора Карет эль Химеймат/Qaret El Himeimat с ее крутыми склонами, на запад от нее протягивалось такое же голое плато. Были сообщения о том, что итальянская часть (40-я

Пехотная Дивизия – ВК) с романтическим названием *Африканские Охотники/Cacciatori d'Africa* проявляет активность на этом плато, но мы ни разу не видели признаков ее присутствия. Местность на нашей стороне от минного поля была сильно расчлененной, со множеством мелких *wadi/wadi* (сухих русел – ВК), бугров и песчаных дюн. Нам было трудно скрыть свое присутствие от противника. Эскадрон расположился лагерем в понижении в рельефе в полукилометре от минного поля, и командирам приходилось ползать к небольшому окопчику, расположенному на невысокой гряде, с которой просматривалось минное поле. Там офицер должен был оставаться

целый день, держа под наблюдением плоскую равнину, протягивающуюся перед его взором до горизонта. Тени там не было, и солнечные лучи середины лета выжигали все. Когда пришла моя очередь вести наблюдение, кожа с моего носа стала облезать слой за слоем, и, когда пришло время возвращаться в эскадрон, я сильно обгорел. Ричард Димблби (Richard Dimbleby, 1913-1965, на фото слева), корреспондент BBC, ведя свои передачи из Каира, сказал, что танки так нагреваются [под солнцем], что на крыше башенного люка можно жарить яичницу. Поскольку я в пустыне ни разу не держал в руках яйца, я не мог заверить эту теорию на практике.

На ранней стадии боев большое количество итальянских танков было подбито, и они остались на ничьей земле с разлагающимися трупами членов экипажей. Эту местность прозвали *Долиной Смерти/Death Valley*. Из-за гниющих трупов здесь развелось миллионы мух, которые уделяли внимание всем живым существам на мили вокруг. Если тебе давали кружку чая, тот немедленно покрывался мухами, и, если ты убирал их ложкой, они нападали снова еще до того, как ты успевал поднести кружку ко рту. Как-то в полдень меня скрутили сильная боль в животе и приступы тошноты, которые закончились тем, что из меня стала выходить зеленая желчь. Я решил, что на следующее утро доложу о том, что заболел, но, когда я проснулся, обнаружилось, что каким-то чудом я выздоровел. Мух привлекали не только чай и пища, но и мерзкие язвы на коже, которые появлялись все время и вызывали сильно раздражение. Из-за отсутствия перевязочных материалов мы пытались прикрыть язвы носовыми платками, которые вдали от мест, где можно было что-то постирать, редко бывали чистыми.

Как-то раз меня послали в мастерские, чтобы я забрал оттуда два танка, которые были в ремонте. На пути назад я приблизился к котловине выдувания и, глядя на ее плоское дно, разглядел пересекающую ее штабную машину. Над ее радиатором развевался флаг командующего армии, и на ее заднем сидении была видна небольшая фигурка с четкой прямой осанкой и беретом Королевского Танкового Полка на голове. Это был Монти [[Бернард Монтгомери](#) (Bernard Montgomery)]. Странным образом, у меня неожиданно поднялось настроение, и вот я уже был преисполнен оптимизма. На меня произвела глубокое впечатление мощная, почти мессианская харизма Монти...

Из младших офицеров за последнее время в Эскадроне A появился Дерек Коттиер (Derek Cottier). У нас был приказ передвигаться как можно меньше и как можно медленнее, чтобы не выдать противнику свое местоположение. Как-то утром Дерек въехал на своем танке в лагерь, делая зигзаги и поднимая клубы пыли. Джекки Хармэн, замкомандира эскадрона,

ясно показал ему рукой, что нужно сбавить скорость, однако Дерек интерпретировал этот сигнал как приветствие. «Доброе утро, Джекки,» - прокричал он. Худощавый Дерек с его тонкими чертами лица располагал привлекательной внешностью, но вместе с тем был крайне тупым малым...

С приближением последних дней августа стало ясно, что затишье подходит к концу. Джимми Дэнс (Jimmy Dance), командир Эскадрона А, был вызван в полковой штаб и по возвращении сказал собравшимся командирам, что, как ожидается, Роммель пойдет в атаку в ближайшие дни. Мы все застонали. В прошлом атаки Роммеля влекли за собой поражения и унижения для британцев, а мы-то думали, что вынудили его сидеть тихо в июле. «Нет-нет, - Джимми быстро переубедил нас. – На этот раз мы готовы встретить его и задать ему трепку.» Через день Джимми заболел, и его сменил Джон Тэйтэм-Уортер.

Атака немцев началась в ночь с 31 августа на 1 сентября. Взвод Питера Джилла (Peter Gill) был на передовой линии, когда итальянские саперы появились в поле зрения и начали убирать мины. Питер занимал превосходную позицию для эффективной стрельбы, но, когда он сообщил по радио о том, что увидел, ему приказали не вступать в перестрелку, а отойти в спокойное место туда, где находятся остальные машины эскадрона. Роль сводного полка, частью которого был эскадрон, заключалась не в том, чтобы противостоять атаке противника, а в том, чтобы наблюдать за ним, сообщать о его передвижениях и выманивать его к основной оборонительной позиции на гряде Алам Халфа/Alam Halfa, расположенной севернее. Однако отвод танка Питера был точно преждевременным, так как он мог существенно задержать расчистку противником пути через минное поле, по которому собирались пройти две итальянские танковые дивизии – *Ariete* и *Littorio*.

Гряда Алам Халфа простиралась под прямым углом к вытянутой с севера на юг Аламейской Линии. Она уже долгое время считалась ключевым элементом рельефа для удержания всей линии, но за короткий срок после прибытия Монтгомери позиции на ней были еще в большей степени усилены: там были размещены две дивизии недавно прибывшей на фронт 44-й Дивизии и машины 10-й Танковой Дивизии. Остановленные у этой гряды *панцеры* оказались под сильным огнем британской артиллерии и под бомбёжками с воздуха, и через три дня Роммель признал поражение, начав отвод своих войск. Отход сводного полка привел нас на запасную позицию к северу от гряды. Когда сражение закончилось, мы оставили наши танки в заранее условленном месте, чтобы места в них заняли другие люди. Сами мы отправились на грузовиках в Хататбу/Khatatba, расположенную недалеко от дороги между Александрией и Каиром, чтобы начать подготовку к решающему сражению *Войны в Пустыне...*

Peter Willett. Armoured Horseman. With the Bays and Eighth Army in North Africa and Italy.

Сокращенный перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

[Возрат к главной странице www.warsstory.org](http://www.warsstory.org)